

*Д. В. Арзютов,
Д. Дж. Андерсон*

*Dmitry V. Arzyutov,
David G. Anderson*

ПРЕДИСЛОВИЕ

PREFACE

История советской этнографии известна относительно хорошо: существует множество статей и книг, в которых описываются биографии ученых (в связи с этим следует прежде всего отметить заслуги А. М. Решетова). Однако история концепций продолжает оставаться малоизученной. Несмотря на отдельные работы, в которых предпринимались попытки комплексного анализа феномена русской и советской этнографии (Фредрик Бертран, Сергей Кан, Фрэнсин Хирш, Петер Швайтцер), а также описания, составленные известными исследователями С. А. Токаревым и Т. В. Станюкович, нам не вполне известна история заимствования и «освоения» таких понятий, как *этнос*, *этногенез*, *историко-этнографическая область*, *хозяйственно-культурный тип* и шире — *культура*, в контексте советских этнографических исследований, несмотря на то что все они выступают своеобразными «визитными карточками» советского этнографического языка. Продолжает оставаться белым пятном на «этно-

The history of Soviet ethnography is relatively well known; there is a multitude of articles and books which present the biographies of researchers (in this regard, it is especially important to note the achievements of Alexandr M. Reshetov). However, the history of ethnographic concepts continues to be poorly understood. There have been some studies in which authors have attempted to provide a comprehensive analysis of the phenomenon of Russian and Soviet ethnography (Frédéric Bertrand, Sergei Kan, Francine Hirsch, Peter Schweitzer), as well as descriptions by the renowned Sergei A. Tokarev and Tatiana V. Stanyukovich. However, we still do not quite know the whole history of the derivation and development of concepts such as *ethnos* (etnos), *ethnogenesis* (ethnogenez), *historical-ethnographic region* (istoriko-etnograficheskaja oblast'), *economic-cultural type* (khozyaistvenno-kul'turnyi tip) and more broadly — *culture* (kul'tura), in the context of Soviet ethnographic research, despite the fact that these terms serve as a sort of “calling card”

графической карте» и история концепций поля и полевой работы, в том числе и то, как объяснялась и воспринималась концепция включенного наблюдения на протяжении всей истории советской этнографии.

Сфокусировавшись на истории советской этнографии, мы предлагаем рассматривать само «производство» концепций сквозь две исследовательские парадигмы: 1) сообщество этнографов как лабораторию, границы которой довольно неустойчивы и где происходят постоянные инверсии между субъектом и объектом исследования; 2) биографический (нарративный) характер истории концепций, где возможны как хронологические последовательности между учеником и учителем, так и разрывы, которые более точно можно описать через концепцию *экологии знания*. В известной мере эти две парадигмы показывают пластичность самой дисциплины, уводят в сторону от навязчивых клише о ее косности и идеологической заикленности.

85 лет назад в Государственной академии истории материальной культуры и Мраморном дворце состоялось совещание этнографов Москвы и Ленинграда. Сохранившаяся в Архиве МАЭ РАН стенограмма совещания позволяет увидеть значимое для советской и российской этнографии событие — соединение множества стратегий различных групп исследователей, конкурирующих и создающих едва заметные точки соприкосновения. Здесь можно увидеть не только борьбу между

of Soviet ethnographic language. A blank spot remains on the “ethnographic map” in terms of the history of concepts and the field of work, including how to understand and explain the concept of participant observation throughout the history of Soviet ethnography.

Focusing on the history of Soviet ethnography, we propose considering the “production” of concepts through two research paradigms: 1) the community of ethnographers as a laboratory with rather unstable boundaries and the constant inversion between the subject and object of study; 2) the biographical (narrative) character of the history of ethnographic concepts, which can be seen as chronological sequence between student and teacher. There are also gaps, which are more accurately described by the concept of *ecology of knowledge*. To some extent, these two paradigms reveal the plasticity of the discipline itself, and lead us away the persistent clichés about its conservatism and ideological obsession.

85 years ago, the State Academy of the History of Material Culture and the Marble Palace hosted a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad. The transcript of the meeting, preserved in the archives of MAE RAN provides a glimpse of a meaningful event for Soviet and Russian ethnography — the joining of a plurality of different strategies for research teams, competing and creating subtle points of contact. Here it is possible to see not only the struggle between different generations of

разными поколениями исследователей (от этой концепции авторы статьи, С. С. Алымов и Д. В. Арзютов, старались отойти), но и «микрофизику» власти внутри сообщества — способы управления мнением и принятием решений.

Сохранившаяся в Архиве МАЭ РАН стенограмма дает возможность «услышать» голоса исследователей, увидеть и по возможности осмыслить споры того времени, а главное — разглядеть за формулировками и привычными фразами будущие концепции и даже исследовательские парадигмы и стратегии. Так, вызывает удивление, как критикуют этнос в 1929 г. за «метафизику» и насколько важной станет эта концепция в 1960-е, оставаясь таковой до сих пор как для значительной части Академии, так и в политике. Не менее удивительна судьба «хозяйственно-технического ареала» П. Ф. Преображенского, впоследствии ставшего «хозяйственно-культурным типом». Для историка советской этнографии Фредерика Бертрана такие метаморфозы представляются конфигурацией разрывов, то есть ситуацией, когда отрицание и следование за концепцией являлось не противопоставлением, а своеобразным двойным стандартом для исследователя.

Авторы вводной статьи постарались показать драматургию совещания, что стояло за этим событием и как оно повлияло на ход советской этнографии в целом.

Архивная работа, в том числе в частных архивах, позволила впер-

researchers (the authors of the article, Sergei S. Alymov and Dmitry V. Arzyutov, have tried to move away from this conception), but also the “microphysics” of power within the community, in terms of how to manage opinions and decision-making.

Preserved in the archives of MAE RAN, the transcript makes it possible to “hear” the voices of researchers, and thus to see and understand the possible controversy at the time; most importantly, it permits us to witness the formulation of future concepts and even research paradigms and strategies in the wording of familiar phrases. Thus, it is surprising how ethnicity was criticized in 1929 for being too “metaphysical”, considering how important the concept would become in the 1960s and would remain so until now for a considerable part of the Academy, as well as in the political sphere. No less surprising is the fate of the “economic-technical area” of Petr F. Preobrazhenskii, which later became the “economic-cultural type”. For the historian of Soviet ethnography Frédéric Bertrand, such metamorphoses represent a configuration of discontinuities, that is, a situation where the denial and acceptance of the concept is not a contradiction, but rather kind of double standard for the researcher.

The authors of the introductory article have attempted to convey the drama of the meeting, revealing what was behind the event and how it affected the general course of Soviet ethnography.

Archival work, including that of private archives, has allowed for the

вые опубликовать в настоящем издании фотографии, сделанные на совещании. Книга снабжена несколькими указателями, что делает ее удобным справочником по истории советской этнографии конца 1920-х годов.

Публикация настоящего издания стала возможна при поддержке следующих научно-исследовательских проектов: Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, “*The Concept Of The ‘Ethnos’ In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis Of The Peoples Of The North*” (2011–2013), The Economic and Social Research Council (ESRC), “*Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North*” (RGA 1682); The Leverhulme Trust (UK), Research Network Project “*Etnos and Minzu: Histories and Politics of Identity Governance in Eurasia*” (2013–2016). Мы искренне признательны всем, кто помогал нам в работе над этим изданием, — прежде всего Владимиру Николаевичу Давыдову, Юрию Кирилловичу Чистову и Ефиму Анатольевичу Резвану, без чьей поддержки эта книга не увидела бы свет. Отдельная благодарность — Д. В. Терешиной, Т. А. Ваграменко за помощь в работе с архивной машинописью стенограммы.

publication of photos taken at the meeting for the first time. This book has several indexes, which makes it a convenient reference book on the history of Soviet ethnography in the late 1920s.

The publication of the current edition has been made possible with the support of the following research projects: Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, “*The Concept Of The ‘Ethnos’ In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis Of The Peoples Of The North*” (2011–2013), The Economic and Social Research Council (ESRC, UK), “*Etnos: A life history of the etnos concept among the Peoples of the North*” (ES/K006428/1); The Leverhulme Trust (UK), Research Network Project “*Etnos and Minzu: Histories and Politics of Identity Governance in Eurasia*” (IN-2012-138). We are sincerely grateful to everyone who helped us in our work on this publication — first of all, Vladimir Nikolaevich Davydov, Yuri Kirillovich Chistov and Efim Anatolyevich Rezvan, without whose support this book never would have seen the light. We also extend special thanks to Daria V. Tereshina and Tatiana A. Vagramenko for help with archival typewritten transcripts.

*Translated
by Jenanne K. Ferguson*